

Научная статья
УДК 821.161.1.09(510)«19»
DOI 10.37724/RSU.2023.78.1.013

Культурная идентичность в самосознании русских литераторов-эмигрантов в Китае (на примере творчества П. А Северного, Н. И. Ильиной и Л. Н. Андерсен)

Ли Синьмэй

Фуданьский университет, Шанхай, Китайская Народная Республика
lixinmei@fudan.edu.cn

Аннотация. После Октябрьской революции и Гражданской войны увеличился эмиграционный поток русских в Китай, но большинство из них даже на протяжении долгих лет сохраняли русскую идентичность. Данная статья посвящена анализу культурной идентичности русских эмигрантов на примере творчества эмигрантов-литераторов П. А. Северного, Н. И. Ильиной и Л. Н. Андерсен. По наблюдениям автора, их культурная идентичность проявлялась в четырех аспектах. Во-первых, это память о бывшей России: хотя послеоктябрьские русские эмигранты, по сути, стали брошенными родиной беженцами, в их сознании полностью сохранилась память о недавно прошедших революции и Гражданской войне, об обеспеченной жизни в царской России, ее вековых культурных традициях, что в целом способствовало укреплению коллективной памяти о России и русской идентичности. Во-вторых, это трагическое восприятие жизни в эмиграции: большинство русской диаспоры переживало невыносимо трудную жизнь и обрело драматичную судьбу, что усилило общую тоску и ностальгию по родине и в то же время русскую идентификацию. В-третьих, это столкновение русской и китайской культур, большая разница между которыми приводила русских эмигрантов к душевной потерянности и даже к внутренним конфликтам. С целью разрешить такие конфликты в эмигрантской среде вновь предпочитали русскую идентичность. В-четвертых, это страстное стремление вернуться в Россию: когда у русских эмигрантов появлялась возможность выбрать свой дальнейший путь и гражданскую идентичность, они без исключения стремились вернуться на родину, что удавалось далеко не всем. Таким образом, русские эмигранты, где бы они ни были, всегда выбирали русскую культуру, тем самым сохраняя и подтверждая собственную русскую идентичность.

Ключевые слова: культурная идентичность, русские литераторы-эмигранты, П. А. Северный, Н. И. Ильина, Л. Н. Андерсен.

Для цитирования: Ли Синьмэй. Культурная идентичность в самосознании русских литераторов-эмигрантов в Китае (на примере творчества П. А Северного, Н. И. Ильиной и Л. Н. Андерсен) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 1 (78). С. 141–151. DOI: [10.37724/RSU.2023.78.1.013](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.78.1.013).

Original article

Cultural identity and self-awareness of Russian immigrant writers in China (illustrated in the works of P. A. Severny, N. I. Ilyina and L. N. Andersen)

Li Xinmei

Fudan University, Shanghai, People's Republic of China
lixinmei@fudan.edu.cn

Abstract. After the October Revolution and the Civil War, the emigration flow of Russians to China increased, but most of them even preserved their Russian identity for many years. This article is devoted to analysis of the cultural identity of Russian immigrants as illustrated in the works of P. A. Severny, N. I. Ilyina, and L. N. Andersen. The authors singles out four aspects of this cultural identity. Firstly, it is the memory of the former Russia: although the post-October Russian emigrants were actually refugees abandoned by their homeland, the memory of the recent revolutions and the Civil War, of a prosperous life in tsarist Russia, and of its age-old cultural traditions, was fully preserved in their minds, which generally built up the collective memory of Russia and Russian identity. Secondly, they showed a tragic perception of life in emigration: the majority of the Russian diaspora went through

incredible hardships and experience painful dramas, which increased the general longing and nostalgia for the homeland and, at the same time, self-identification as Russian people. Thirdly, they saw encounters of Russian and Chinese cultures, and the differences between the two led Russian emigrants to spiritual loss and even to internal conflicts. In order to resolve such conflicts in the immigrant community, they resorted to cherishing the same Russian identity. Fourthly, they expressed a passionate desire to return to Russia: when Russians had an opportunity to choose their fate and civic identity, practically all of them sought to return to their homeland (but not all of them succeeded in it). Thus, Russian emigrants, wherever they lived, always chose Russian culture, thereby preserving and confirming their own Russian identity.

Keywords: cultural identity, Russian emigrant writers, P. A. Severny, N. I. Ilyina, L. N. Andersen.

For citation: Li Xinmei. Cultural identity and self-awareness of Russian immigrant writers in China (illustrated in the works of P. A. Severny, N. I. Ilyina and L. N. Andersen). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 1 (78):141–151. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.78.1.013.

Введение

После Октябрьской революции и Гражданской войны множество русских было вынуждено покинуть родину. Около 25 тысяч изгнанников эмигрировали в Китай и осели в разных городах, среди которых Харбин и Шанхай оказались самыми крупными центрами проживания русской эмиграции и в конечном счете — городами, где литераторы-эмигранты из России добились наиболее блестящих успехов.

Поток русских литераторов-эмигрантов в Китае можно разделить на старшее и младшее поколения. Старшее составляют писатели, начавшие свою литературную деятельность еще на родине, до эмиграции, а затем продолжившие ее за границей. Сюда можно отнести таких писателей и поэтов, как А. И. Несмелов, А. А. Ачаир, А. П. Хейдок, М. В. Щербаков и др. Младшее поколение представляют те, кто приехал в Китай еще в детском возрасте или родился и получил образование в эмиграции. Здесь выделяются писатели П. А. Северный и Н. И. Ильина, поэтесса Л. Н. Андерсен, творчество которых проанализировано в данной статье.

Павел Александрович Северный (настоящая фамилия — Ольбрих; 1900–1981) родился в 1900 году в поселке Верхний Уфалей в дворянской семье. Его отец, барон Александр Викентьевич фон Ольбрих, — потомок немцев. Во время Первой мировой войны П. А. Северный учился в гимназии в Перми, после окончания которой в 1916 году добровольцем пошел в армию, потом пережил революцию, которую не принял. Во время Гражданской войны, получив известие о расстреле родителей и сестер в 1919 году, немедленно записался добровольцем в армию А. В. Колчака и с ней ушел на восток. В 1920 году попал в Манчжурию, а в 1921 году добрался до Харбина, где, несмотря на первые трудности эмигрантской жизни, будучи молодым офицером, устроился на работу служащим при Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), что приносило стабильный заработок. В то же время подрабатывал репортером в журналах и артистом в театре. В 1932 году, когда японцы захватили Манчжурию, Северный перебрался в южный город Шанхай, где прожил до возвращения на родину в 1954 году. Там он работал в советском торгпредстве, в американской библиотеке, в русскоязычной газете «Новая жизнь», преподавал русский язык в Фуданьском университете¹. Многолетняя эмигрантская жизнь и в Харбине, и в Шанхае дала Северному творческое вдохновение. Самые известные произведения писателя созданы в Китае: «Косая Мадонна» (1934), «Тургеневская сказка» (1937), «Фарфоровый китаец качает головой» (1937), «Женщины у полярных звезд» (1937), «Лэди» (1938), «Озеро голубой цапли» (1938), «Лики неповторимой России» (1939), «Ветер с Урала» (1939), «Золото на грязи» (1941), «Туман над Камой» (1942), «Черные лебеди» (1942), «Следы лаптей» (1943), «Карусель под снегом» (1947) и др. Несмотря на китайское «происхождение», все повести и романы Северного полны истинной русской души, а главная их тема — неизменно русская.

Наталия Иосифовна Ильина (1914–1994) родилась в 1914 году в Петербурге в семье потомков старинного дворянского рода. В Маньчжурию она переселилась в четырехлетнем возрасте вместе с эмигрировавшей семьей; в Харбине прошли ее детство и юность. Затем в течение десяти лет (с 1937 по 1947 годы) она жила в Шанхае и вернулась в СССР только в 1947 году. Творческий путь Н. И. Ильиной начался в Шанхае, где она выступала в эмигрантской газете «Шанхайская заря» с фельетонами под псевдонимом Мисс Пэн. Но литературная судьба писательницы сложилась после окончания в 1953

¹ В настоящее время автор данной статьи также работает в Фуданьском университете.

году Литературного института имени М. Горького. Первую широкую известность получил автобиографический роман «Возвращение» (ч. 1 — 1957, ч. 2 — 1965), после которого все, что было написано в 1950–1980-х годах, было напечатано. Живой отклик вызвала автобиографическая проза «Дороги и судьбы» (1985).

Ларисса Николаевна Андерсен (фамилия при рождении — Адерсон; 1911–2012) родилась в Хабаровске в семье военного. В 1922 году семья поселилась в Харбине, где Ларисса окончила школу. Литературную деятельность Л. Н. Андерсен начала в юном возрасте в кружке молодых русских эмигрантов-литераторов «Чураевки» в Харбине, там же в эмигрантских журналах и газетах были опубликованы ее первые стихи. В начале 1930-х годов Андерсен переехала в Шанхай, где танцевала и одновременно писала стихи. В 1940 году вышел ее первый поэтический сборник «По земным лугам», в 1946 году — сборник шанхайской группы «Остров», в который вошло несколько стихотворений поэтессы и вдохновительницей которого она считалась. В 1956 году писательница вышла замуж за француза Мориса Шеза, много лет провела в разных странах, куда был командирован ее муж, а с 1971 года поселилась во Франции. О ней оставили воспоминания В. Перелешин, В. Петров, В. Серебрякова, Ю. Крузенштерн-Петерец, Н. Ильина, Е. Таскина, В. Слободчиков и другие русские харбинцы. Стихи Андерсен были чистой лирикой, которую А. Вертинский называл «Божьею милостью талантом».

К сожалению, творчество вышеназванных трех писателей в малой степени привлекало к себе внимание в научной среде. В Китае, кроме двух статей о творчестве П. А. Северного и Н. И. Ильиной, опубликованных автором данной работы [Ли Синьмэй, 2014, 2017], больше нет исследований, касающихся их жизненного и творческого пути. В России о писателях-эмигрантах вышло несколько статей и книг², большинство из которых знакомит с жизненным и творческим путем и не углубляется в анализ произведений. Более того, никто из китайских и русских коллег не проводит исследование в аспекте культурной идентичности в самосознании этих писателей.

В отличие от русской диаспоры в Европе и на Западе, абсолютное большинство русских эмигрантов в Китае не владели китайским языком, а говорили на родном языке. «Находясь в сложных условиях незнакомой и чуждой европейскому человеку среды, русская эмиграция стремилась сохранить ценности и традиции русской культуры, поддерживать русский дух и образ мысли» [Шаронова, 2015, с. 321]. В результате у русских эмигрантов на уровне культурной идентичности формировалась тесная связь с Россией, чувство принадлежности к русской культуре.

Согласно словарю терминов межкультурной коммуникации, понятие «культурная идентичность» имеет два значения: 1) признание культурной специфики и национальной самобытности, что определяется посредством языка, лексикона, дискурсных моделей; 2) символ самосознания, который включает самовосприятие личности и ее отождествление с группами других личностей в рамках конкретной лингвокультуры [Жукова, 2013, с. 125–126]. С этими двумя значениями тесно связана культурная идентичность русских эмигрантов-писателей в Китае: с одной стороны, они чувствуют свою принадлежность к русской культуре, с другой, проживая на чужбине, искусственным образом создают русские общины и условия, в которых отождествляют себя с другими соотечественниками в поисках своей культурной идентичности.

Основная часть

Проблема культурной идентичности в текстах русских эмигрантов

Русские эмигранты пытаются сохранить свою культурную идентичность с Россией в литературном творчестве, что проявляется в тематике произведений: незабываемая память о России, трагическое чувство жизни в эмиграции, столкновение русской и китайской культуры и страстное стремление к возвращению на родину.

Память о России

Хотя послеоктябрьские русские эмигранты, по сути, были брошенными родиной беженцами, они не забыли то, что было «там», в России. В их сознании полностью сохраняется память о недавно прошедших революции и Гражданской войне, об обеспеченной жизни в царской России, ее вековых культурных традициях.

Зачастую воспоминания русских эмигрантов были окрашены ностальгией и горестными нотами, так как писатели не понимали смысла революции и войны, жалели о гибели царской империи. Многие рассказы П. А. Северного из сборника «Черные лебеди», изданного в Тяньцзине

² Подробнее см.: [Вертинский, 1940; Ильина, 1985; Линник, 1995; Эфендиева, 2009; Черникова, 2011; Аюпов, 2013; Дябкин, Левченко, 2015].

в 1942 году издательством «Наше знание», написаны именно в этом ключе. Как потомок русского барона и молодой офицер царской России, Северный пережил все тяготы военной жизни, особенно знаменитый Ледяной поход в 1920 году, когда он вместе со своей семьей и другими беженцами попал в Манчжурию и начал свою 34-летнюю эмигрантскую жизнь. Поэтому созданные им произведения отражают недоумение писателя и в то же время стремление к пересмотру взглядов на кровавую революцию и братоубийственную войну.

Например, рассказ «Черные лебеди» (1942) воспроизводит трагедию семьи последнего российского императора тогда когда тот с женой и сыном бегут в тайгу, чтобы избежать преследования и убийства. Рассказ заканчивается поэтическим сном царевича Алексея, что составляет яркий контраст с трагической реальностью. В рассказе «Свидание в чудном дворце» (1941) революция и война рассматриваются в другом аспекте: главным героем является Николай I, который милостиво прощает декабристов-повстанцев. Образ императора наделен человеколюбием, великодушием и добротой, что проявляется в его снисходительном и близком отношении к А. С. Пушкину, который настаивает на верности своей дружбе с декабристами. Идеализированный образ Николая I остро контрастирует с жестокостью и беспощадностью большевиков по отношению к царской семье и ко всем, кого принято было называть «бывшими» после Октябрьской революции. Очевидно, в сознании русских эмигрантов-писателей осталась душевная травма от пережитого в России, из-за которой они даже в эмиграции долго не признавали советскую власть, предпочитая отождествлять себя с царской Россией.

Большинство русских эмигрантов, особенно бывших дворян, раньше имели довольно обеспеченную жизнь и занимали высокое общественное положение на родине, чего лишились, попав в эмиграцию. По статистике, среди 7 тысяч русских беженцев в Шанхае в 1924 году «1 350 безработных русских жили, целиком опираясь на чужую помощь, и 2 000 чел. жили на пособие» [Ван Чжичэн, 2010, с. 8]. Сравнивая замечательное прошлое с необеспеченным существованием в настоящем, эмигранты скучали по родине, жалели об уже ушедшем и мучились от переживаемой действительности. Неслучайно в русской эмигрантской литературе часто встречается тема прошлой жизни эмигранта в России. Например, рассказ П. А. Северного «Мелодии водяных молоточков» (1941) посвящен воспоминаниям главного героя, русского эмигранта в Шанхае, о русской осени, вызванным ночным осенним дождем. Ностальгия и верность родине выражаются в монологе героя: «Теперь мы знаем, что куда бы нас ни забросила жизнь, где бы ни ступала наша нога, всюду мы несем с собой бриллианты смелых мыслей, искусство и непоколебимую веру во Христа» [Литература русских эмигрантов ... , 2005, с. 12]. А в рассказе «Мысли» (1941) описываются жалобы и ностальгические воспоминания семидесятилетнего эмигранта в Китае, обращенные накануне Рождества к молодому соотечественнику. В высказываниях старика прошлая жизнь в России представляется счастливой, приличной и достойной, а теперешняя жизнь в эмиграции полна одиночества, разочарования и унижения. Вышеуказанные рассказы Северного свидетельствуют о ностальгии русских эмигрантов по родине, особенно на фоне сравнения их бывшей обеспеченной жизни с нищенским и бездомным существованием в настоящем.

В отличие от П. А. Северного поэтесса Л. Н. Андерсен до эмиграции в Китай жила в России недолго — не больше десяти лет, но и эти годы оставили у нее неизгладимые впечатления. Например, в стихотворении «Карусель» (1946) она вспоминает о радостном детстве, проведенном в России, символом счастья становится детский образ карусели:

Есть и солнце, и прохлада,
И коробка шоколада,
Все, чего хотеть на свете
Могут праздничные дети.
Папа скажет: в карусели
Никакой не видно цели.
Ну и что ж, раз карусель
Есть сама сплошная цель?
Мимо няня, мимо ель,
И поляна, и качель,
Серый слон и красный дом —
Все забегало кругом.
Пляшут свет и тени
Радужных видений...

Но такое счастье вдруг оказывается прервано эмиграцией, что символизирует прекращение движения карусели, о чем лирическая героиня с горечью спрашивает:

Ну зачем, скажи на милость,
Карусель... остановилась?
[Андерсен, 2006, с. 97–98].

Как известно, члены русской общины в Шанхае представляли не только беженцев белой армии из России (старшее поколение), но и их выросших в Китае сыновей и дочерей (младшее поколение). Эмигранты младшего поколения мало знали о своей исторической родине, почти никто из них никогда не бывал на Отчизне, не знал своей культуры. Это очень беспокоило их родителей и заставляло размышлять о культурной идентичности своих детей. Поэтому старшее поколение русских эмигрантов не только само оберегало русский язык и культуру, но и учило им своих сыновей и дочерей. Каноны русской классической литературы и культуры сохранялись в замкнутом кругу русской диаспоры, память о них передавалась из уст в уста от старшего поколения эмигрантов к младшему, что воспитывало в младшем поколении любовь к истории и культуре родины, а также укрепляло культурную связь с Россией.

А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов и другие классики часто становились литературными героями произведений русских писателей-эмигрантов. К примеру, в 1937 году, когда русская эмиграция в Шанхае торжественно отмечала 100-летие со дня смерти Пушкина, П. А. Северный посвятил серию работ любимому поэту. В рассказе «Кружева жизни» (1937) создаются образы трех важных женщин в судьбе великого поэта: мать, няня и жена Н. Н. Гончарова. Рассказ «Осенней ночью» (1937) повествует о заботе и беспокойстве няни о Пушкине после его женитьбы. В рассказе «В Санкт-Петербурге белой ночью» (1937) изображается взаимопонимание и любовь между Пушкиным и Гончаровой. В рассказе «Шестнадцать строк» (1937) описывается, как Лермонтов создает стихотворение «Смерть Поэта» (1937), посвященное гибели Пушкина. Благодаря творчеству Северного и других писателей-эмигрантов был вновь поднят вопрос о лживости или правдивости обвинений Н. Н. Пушкиной в смерти поэта³. Таким образом, традиции русской литературы и культуры распространялись в эмигрантской среде, на основе чего укреплялась коллективная память и национальная идентичность русской диаспоры.

Трагический образ жизни в эмиграции

«Сейчас многие идеализируют жизнь русской эмиграции. На самом деле все было гораздо сложнее и трагичнее» [Хисамутдинов, 2006, с. 431–432]. Даже Харбин и Шанхай, два самых больших центра русских эмигрантов в Китае, не заменили переселенцам родину, хоть и считались важными этапами в жизни. Одна из главных причин кроется в том, что большинство представителей русской диаспоры переживали в эмиграции немислимо трудную жизнь.

Л. Н. Андерсен во многих мемуарах, которые вошли в книгу «Одна на мосту» и были изданы в 2006 году в Москве, вспоминает эмигрантскую жизнь. Так, в статье «Самовар на Садовой» (2006) подробно описывается ее трудная жизнь с родителями в первые дни, когда они попали в Харбин. Вся семья без работы и постоянного жилья жила то «на ящиках», то у бухты, то в сыром холодном подвале. Ради денег мать шила, а Ларисса рисовала портреты известных американских актеров или расписывала коробки для кондитерских. Отец перепробовал множество профессий, прежде чем устроился счетоводом на КВЖД, и тогда семья смогла снять небольшой уютный домик на Садовой улице [Андерсен, 2006, с. 252].

Во многих стихотворениях Л. Н. Андерсен, которые были включены в сборник «По земным лугам» и изданы в Шанхае в 1940 году, изображается кочевая жизнь русских харбинцев. Само название стихотворения «Северное племя» (1940) намекает, что русские эмигранты в Харбине, как северное племя, живут в дикой и безлюдной местности. Хотя лирическая героиня готова ко всяческим бедам и уверена, что «протопчат глубокие следы» в этих пустынных местах, но все-таки ее оптимизм тесно связан с отчаянием, печалью и болью:

Нам не рай обещан голубой,
А тоской пронизанная радость
И охваченная счастьем боль.
[Андерсен, 2006, с. 69].

³ Тогда в русских эмигрантских журналах появились серии статей, содержащих спор о жизни и творчестве А. С. Пушкина, см.: [Слово, 1937].

Стихотворение «Бьется колокол медной грудью» (1940) тоже пронизано одновременным ощущением горя и радости жизни в эмиграции. Из-за нестабильной эмигрантской жизни лирическая героиня давно уже привыкла к дорогам, к новоселью, и сердце ее становится твердым, как камень и медь. Только весной тает терпкая боль в груди, а душу утешают зелень травы, рощи, поля и ручьи. Тогда лирическая героиня начинает надеяться, что Бог защитит ее от трудной жизни:

Что ищу я, о чем тоскую,
Я сама не могу понять,
Но простишь ли меня такую Ты,
Пречистая Дева-Мать?
Темный лик просветлел немного,
Луч зари скользнул по стене.
И я верю, ты скажешь Богу
Что-то доброе обо мне.

[Андерсен, 2006, с. 69].

Н. И. Ильина тоже прожила в Китае нелегкую жизнь. В своих воспоминаниях «Мать Екатерина Дмитриева», «Отец» и др., которые вошли в мемуарную книгу «Дороги и судьбы» и первый раз были изданы в 1985 году, а затем дополнены и переизданы несколько раз, она вспоминает о нелегких судьбах русских людей, которых революционная волна вытеснила в чужеродный край. По воспоминаниям Ильиной, ее мать происходила из семьи старинного дворянского рода, а отец воевал в белой армии. В 1920 году вся семья переехала в Харбин. В первые месяцы они жили хоть нестабильной, но гармоничной жизнью. Однако такая жизнь постепенно нарушалась из-за ряда несчастий, таких как смерть няни и развод родителей. Ильина со своей младшей сестрой и матерью крайне бедствовали без помощи отца, им даже не под силу было платить за комнату. Из-за суровых условий существования Ильина хотела уехать в СССР еще в 1935 году, но неясная политика советской власти в отношении русских эмигрантов не позволяла воплотить желаемое.

Чтобы найти выход из трудного положения, Н. И. Ильина, как П. А. Северный, Л. Н. Андерсен и многие другие, переехала из Харбина в Шанхай, поскольку, по их мнению, в таком международном мегаполисе должно было оказаться больше рабочих мест и возможностей для самореализации. Однако в Шанхае эмигранты чувствовали себя более отчужденными, чем в Харбине [Ильина, 2012, с. 53–106]. Это объясняется многими причинами: во-первых, в Шанхае не было огромного русского сообщества, как в Харбине (русские эмигранты, приехавшие в Шанхай, жили во французской общине); во-вторых, в Шанхае русские эмигранты должны были овладеть английским или французским языком, чтобы найти себе приличную работу. Многим же из них из-за отсутствия соответствующих способностей приходилось заниматься черной работой, даже те, кто получил высшее образование в России или в Харбине, не находили подходящего заработка.

Свое тяжелое существование и жизнь других соотечественников в Шанхае Н. И. Ильина описала во многих очерках, которые входят в сборник «Иными глазами — очерки шанхайской жизни». Сборник был напечатан в Шанхае в 1946 году издательством «Эпоха». Все очерки в нем отражают трудные картины жизни русских эмигрантов. Например, в очерке «Чужое небо» (1946) передается первое впечатление главной героини, русской эмигрантки, от Шанхая. За шикарным оживленным мегаполисом скрывается суть грязного, бедного и шумного уголка с бескультурными жителями, поэтому главная героиня никак не может воспринять его как свою родину и вздыхает: «И в который раз осознаешь, что страна под этим бледным небом, несмотря на привычку, даже на привязанность к ней, никогда не стала домом. На этих улицах, среди беспечельной суеты и шума, — всегда останется чужим, посторонним» [Ильина, 2013, с. 11]. В очерке «Вопль Шанхая» (1946) изображается отвратительный и надоедливый шанхайский утренний рынок, где царят шум и теснота. Эмигранты разных профессий — инженеры, профессора, химики, педагоги и лингвисты — торгуют ради средств к существованию. В очерке «Селетка в Шаляпине» (1946) предстает торговая картина на улице, где соотечественники постепенно теряют духовный стержень, погружаясь в обывательское существование. Повествование очерков «Только справедливо» (1946) и «Все пройдет» (1946) сфокусировано на трудной жизни двух пар супругов-эмигрантов, которые не могут жить нормально, несмотря на полученное высшее образование. Наконец, в очерке «Святая профессия» (1946) говорится о потере профессиональной морали русским врачом-эмигрантом ради денег.

По сравнению с мужчинами, женщинам в эмиграции было еще труднее, ведь они не подходили для тяжелого физического труда, многим из них приходилось заниматься униженной

работой: танцевать в кафе, кабаках и барах. П. А. Северный в своих рассказах, которые вошли в сборник «Черные лебеди», описывает трагическую судьбу русских женщин-эмигранток. Например, в рассказе «Слезинка» (1941) повествуется о сложной жизни и трагической участи матери-одиночки, которая зарабатывает танцами на хлеб для себя и пятилетней дочки, но это не избавляет семью от бедственного положения: дочка умирает от воспаления, когда мать ночью возвращается усталой из бара домой. В рассказе «Бабушка» (1941) автор глазами старухи из древнего русского дворянского рода наблюдает трагедию внучки, которая уже в эмиграции вышла замуж за нелюбимого мужчину. Увидев горе и слезы внучки, бабушка невольно вздыхает о трагической судьбе женщин-эмигранток, сравнивая их с женами декабристов, которые переехали в пустынную Сибирь вслед за высланными мужьями.

Таким образом, нелегкая жизнь и трагическая судьба русских в эмиграции усиливает их тоску и ностальгию по родине, а также обостряет их культурную идентификацию с Россией.

Столкновение русской и китайской культур

Эмиграция означает уход из бывшей жизненной среды и приспособление к новой. Большая разница между китайской и русской культурами приводит русских эмигрантов к душевной потерянности и даже к внутренним конфликтам, а способ разрешения таких конфликтов определяется личной культурной идентичностью.

П. А. Северный в повести «Озеро голубой цапли» (1938) изображает культурное столкновение Китая и России через описание несчастного брака русской эмигрантки Анны с китайским мужем. Кажется, что Анна покончила с нестабильной эмигрантской жизнью во Франции после того, как вышла замуж за китайского дипломата Чена и переехала с ним в богатую китайскую семью с обширным имением на озере голубой цапли. На самом деле Анна часто чувствует себя одинокой и опустошенной, то и дело вспоминает о первой любви в России и даже об оживленной жизни в Париже. Причина в основном заключается в том, что между Анной и мужем существует непреодолимый культурный барьер, несмотря на всяческие старания мужа. Более того, феодальная семья мужа во главе с отцом не принимает этот брак, считая его унижением и оскорблением своего благородного семейного рода. Старший же брат мужа, настоятель храма конфуцианства, воспринимает брак Чена с Анной как измену отечеству. Столкновение китайской и русской культуры разрешается тогда, когда бывший любимый человек Анны приехал из России в Китай на встречу с ней, и Анна думает вернуться в Россию, что говорит о ее теснейших, в том числе культурных связях с родиной. Хотя в финале Анна осталась в Китае из-за любви к сыну и чувства семейного долга, писатель предоставляет нам возможность осознать суть проникновения разных национальных культур друг в друга, а не показывает процесс отказа от духовной и культурной идентификации с Россией.

Страстное стремление к возвращению на родину

«В 1946 г. вышел Указ Верховного Совета о том, что русские граждане, живущие за границей, могут получить советское гражданство» [Шаронова, 2015, с. 51]. Это дало русским эмигрантам возможность определить свой дальнейший путь и гражданскую идентичность; около половины из них выбрало советское гражданство. В их числе оказались Н. И. Ильина, П. А. Северный, Л. Н. Андерсен. Первым двум удалось вернуться на родину, а последняя по ряду причин осталась за границей. Их жизненные дороги и судьбы разошлись, но культурная идентичность осталась неизменной.

Н. И. Ильина в статье «Моя неведомая земля», включенной в мемуарную книгу «Дороги и судьбы», подробно описывает свое возвращение на родину. Хотя писательница поначалу пережила немало тягот и затруднений (в первые годы жизни в России она имела право жить только на Дальнем Востоке), переезд в Москву позволил осуществить мечты о литературном творчестве. Также Ильина сумела найти личное счастье, выйдя замуж за известного лингвиста А. А. Реформатского, с которым прожила оставшуюся жизнь. Когда она стала известным писателем на родине, на вопрос «Почему вы вернулись?» всегда утверждала: «Никогда не жалела, что вернулась» [Ильина, 2012, с. 15]. В этом решительном ответе звучало осознаваемое ей чувство русской идентичности.

П. А. Северный тоже приехал на родину в 1954 году со своей женой и единственным сыном Аркадием⁴. По возвращении семья претерпела немалые трудности, вела тяжелую трудовую жизнь в Чкаловской области, затем, в начале 1960-х годов, переехала в Подольск Подмосквовской области.

⁴ В последние годы автор данной статьи состоит с П. А. Северным в переписке.

На родине Северный продолжил начатое в Китае литературное творчество и добился больших успехов. За всю жизнь он написал 162 произведения, и тема жизни русской диаспоры в Китае, подробно в них изложенная, до сих пор вызывает большой интерес. Можно сказать, что эмигрантская жизнь в Китае дала Северному творческий материал, но знаменитым писателем его сделала русская идентификация.

В отличие от Н. И. Ильиной и П. А. Северного, Л. Н. Андерсен не удалось вернуться в Россию, несмотря на сильное желание и всяческие старания. В своих письмах к соотечественникам-друзьям, которые вместе с ней проживали в эмиграции в Китае и оттуда переехали в разные уголки мира, а также во многих ее мемуарных статьях с 1960 по 1990-е годы, Андерсен рассказывает о своем сложном положении в Шанхае в конце 1940-х годов. Она хотела поехать с другими соотечественниками на родину, но переменчивая политическая обстановка в Китае, задержавшийся в Харбине отец и невозможность встречи с ним, а также собственное тяжелое заболевание, — все вместе взятое задержало ее в Шанхае. В то же время поэтесса вышла замуж и уже с мужем отправилась в путешествие по разным странам мира; только в начале 1970-х годов она навсегда поселилась в родном городке мужа во Франции. Но и в письмах к друзьям, и в мемуарах, написанных во французский период, Андерсен подтверждает свою русскость, никогда не воспринимая себя ни китайкой, ни француженкой. Для нее духовно родными людьми были русские, а ее настоящим домом — Россия. В 1982 году Андерсен встречалась во Франции с Н. И. Ильиной; узнав о смерти знакомой в 1994 году, в воспоминаниях «Наташа Ильина» поэтесса писала: «Нет, я не могу жаловаться, когда я осталась одна, вижу, сколько добрых и внимательных людей есть среди французов... Но настоящая радость для меня — это когда приезжают в мою “берложку” мои русские друзья. Тогда я словно возвращаюсь домой, к себе самой» [Андерсен, 2006, с. 281]. Встреча с Ильиной вызвала у поэтессы не только воспоминания о бывшей эмигрантской жизни в Китае, но и восхищение достигнутыми успехами знакомой после возвращения на родину. Она сразу же написала стихотворение «Эмигрантская березка», посвященное писательнице:

Эмигрантский стишок читаешь —
Все березки, куда ни глянь!
Вырастали-то мы в Китае...
<...>
И в Китае росли березы,
И багульник по сопкам рос,
Но у русских упорно грезы —
О российской красе берез...
Наша родина — не на карте.
Наша родина — не земля.
Не багульник на окнах в марте,
Не березы, не тополя.
Наша родина — это сказки,
Это — песни, что пела мать,
Это — книжки, картинки, краски,
Что успела душа впитать.
<...>
И, быть может, слова поэта,
Залетевшие в память где-то,
Долго тлевшие в глубине,
Вдруг зажглись... И березка эта
Их лепечет по-русски мне.

[Андерсен, 2006, с. 220–221].

В стихотворении чувствуется проявление русской идентичности не только Л. Н. Андерсен, но и всех русских эмигрантов, ведь береза — это символ России, а русские эмигранты, где бы они ни были, всегда берегут березу и другие элементы русской культуры — сказки, песни и книжки — в глубине души, и тем самым сохраняют свою национальную принадлежность.

Заключение

Русских эмигрантов, попавших в Китай и другие страны после Октябрьской революции, обычно называют трагическим поколением. Из-за невосприимчивости советской власти они были вынуждены оставить родину и переехать в разные уголки мира. Но, оказавшись в эмиграции, абсолютное большинство не смогло ни приспособиться к «здесь», ни забыть «там». Такой парадокс приводил их к постоянным воспоминаниям о России и прошлой жизни, к трагизму их реального

существования в эмиграции и неразрывной связи со своей русской идентичностью. Русские писатели-эмигранты, как живые свидетели данного трагического периода, сохранили и художественно воспроизвели переживания своего поколения, в связи с чем их литературное творчество имеет не только литературную, но и историческую ценность.

Список источников

1. Андерсен Л. Н. Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма. — М. : Рус. путь : Б-ка-фонд «Русское Зарубежье», 2006. — 472 с.
2. Аюпов С. «Мила нам добра весть о нашей стороне»: «Тургеневская сказка» Павла Северного // Бельские просторы. — 2013. — № 10. — С. 129.
3. Ван Чжичэн. Карта русской культуры в Шанхае. — Шанхай : Шанхайское изд-во «Бриллиант»: Шанхайская медиа-компания «Рассказы», 2010. — 157 с.
4. Вертинский А. Лариса Андерсен // Шанхайская заря. — 1940, 21 апр.
5. Дябкин И. А., Левченко А. А. «Немец с русскою душой»: русские писатели в Китае (стеногр. беседы с А. П. Северным) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. — Благовещенск : Макро-С, 2015. — Вып. 11. — С. 232–341.
6. Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2013. — 263 с.
7. Ильина Н. И. Дороги и судьбы: автобиографическая проза. — М. : Сов. писатель, 1985. — 560 с.
8. Ильина Н. И. Дороги и судьбы. — М. : АСТ : Астрель, 2012. — 766 с.
9. Ильина Н. И. Иными глазами (Очерки шанхайской жизни). — [Б. м.] : Salamandra P. V. V., 2013. — 124 с.
10. Ли Синьмэй. Шанхайская жизнь в творчестве Наталии Ильиной // Русская литература и искусство. — 2014. — № 4. — С. 100–105. [李新梅. 娜塔利娅·伊里因娜笔下的上海俄侨生活. 《俄罗斯文艺》, 2014(04): 100–105].
11. Ли Синьмэй. О творчестве русского эмигрантского писателя Павла Северного в Китае // Русская литература и искусство. — 2017. — № 4. — С. 112–118. [李新梅. 中国俄侨作家巴维尔·谢维尔内中短篇小说创作论. 《俄罗斯文艺》, 2017(04): 112–118].
12. Линник Ю. Сольвейг (наброски к портрету Лариссы Андресен) // Грани. — 1995. — № 177.
13. Литература русских эмигрантов в Китае / сост. Ли Иннань ; гл. сост., ред. Ли Янлен. — Пекин : Китайская молодежь, 2005. — Т. 5: Волны Хуанпуцзяна Шанхая. — 506 с.
14. Слово. — 1937, 10 февр. — С. 6 ; 13 февр. — С. 6 ; 17 февр. — С. 6.
15. Черникова Л. П. Мост в прошлое везунчика барона (штрихи к портрету русского писателя Павла Северного). — Уфа : Вагант, 2011. — 43 с.
16. Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив : Ун-я кн., 2015. — 512 с.
17. Эфендиева Г. В. «Обманчиво несложная» поэтесса (о поэтическом мире Лариссы Андерсен) // Русский Харбин, запечатленный в слове : сб. науч. ст. / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. — Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2009. — Вып. 3. — С. 121–135.

References

1. Andersen L. N. *Odna na mostu. Stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pisma* [Alone on the bridge. Poems. Memoirs. Letters]. Moscow, Rus. put' : B-ka-fond "Russkoye Zarubezhye", 2006, 472 p. (In Russian).
2. Ayupov S. "Good news about our land is dear to us": "Turgenev's Tale" by Pavel Severny. *Belskiye prostory* [Belsky spaces]. 2013, no. 10, p. 129. (In Russian).
3. Wang Zhicheng. *Karta russkoy kultury v Shankhaye* [Map of Russian Culture in Shanghai]. Shanghai, Shanghai Brilliant Publ., Shanghai Media Company "Rasskazy", 2010, 157 p. (In Russian).
4. Vertinsky A. Larisa Andersen. *Shankhayskaya zarya* [Shanghai Dawn]. 1940, 21 Apr. (In Russian).
5. Dyabkin I. A., Levchenko A. A. "A German with a Russian Soul": Russian Writers in China (Transcript of conversations with A. P. Severny). *Rossiya i Kitay na da'nevostochnykh rubezhakh. Pod red. A. P. Zabyako, A. A. Zabyako* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Ed. A. P. Zabyako, A. A. Zabyako]. Blagoveshchensk, Macro-S, 2015, iss. 11, pp. 232–341. (In Russian).
6. Zhukova I. N. *Slovar terminov mezhkulturnoy kommunikatsii* [Dictionary of terms of intercultural communication]. Moscow, Flinta, Nauka, 2013, 263 p. (In Russian).
7. Ilyina N. I. *Dorogi i sudby: avtobiograficheskaya proza* [Roads and fates: autobiographical prose]. Moscow, Sov. pisatel, 1985, 560 p. (In Russian).
8. Ilyina N. I. *Dorogi i sudby* [Roads and fates]. Moscow, AST, Astrel, 2012, 766 p. (In Russian).

9. Ilyina N. I. *Inymi glazami (Ocherki shankhayskoy zhizni)* [With New Eyes (Essays on Shanghai Life)]. [n/p], Salamandra P. V. V., 2013, 124 p. (In Russian).
10. Li Xinmei. Shanghai life in Natalia Ilyina's works. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian literature and art]. 2014, no. 4, pp. 100–105. 李新梅. 娜塔利娅·伊里因娜笔下的上海俄侨生活. 《俄罗斯文艺》, 2014(04): 100–105. (In Chinese).
11. Li Xinmei. On the work of Russian emigrant writer Pavel Severny in China. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian Literature and Art]. 2017, no. 4, pp. 112–118, 李新梅. 中国俄侨作家巴维尔·谢维尔内中短篇小说创作论. 《俄罗斯文艺》, 2017(04): 112–118. (In Chinese)
12. Linnik Yu. Solveig (sketches for the portrait of Larissa Andresen). *Grani* [Facets]. 1995, no. 177. (In Russian).
13. *Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Sost. Li Innan; gl. sost., red. Li Yanlen* [Literature of Russian emigrants in China. Comp. Li Yingnan; chief comp.-ed. Li Yanglen]. Beijing, Chinese Youth, 2005, vol. 5: Waves of Huangpujiang Shanghai, 506 p. (In Russian).
14. *Slovo* [Word]. 1937, Feb. 10, p. 6; Feb 13, p. 6; Feb 17, p. 6. (In Russian).
15. Chernikova L. P. *Most v proshloye vezunchika barona (shtrikhi k portretu russkogo pisatelya Pavla Severnogo)* [Lucky Baron's Bridge to the Past (Sketches for a Portrait of Russian Writer Pavel Severny)]. Ufa, Vagant, 2011, 43 p. (In Russian).
16. Sharonova V. G. *Istoriya russkoy emigratsii v Vostochnom Kitaye v pervoy polovine XX veka* [History of Russian emigration in East China in the first half of the 20th century]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ: Universitetskaya kniga, 2015, 512 p. (In Russian).
17. Efendieva G. V. *“Obmanchivo neslozhnaya” poetessa (o poeticheskom mire Larissy Andersen)* [“Deceptively simple” poetess (about the poetic world of Larissa Andersen). Russian Harbin, captured in the word: coll. of articles. Ed. A. A. Zabiako, G. V. Efendieva]. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2009, iss. 3, pp. 121–135. (In Russian).

Информация об авторе

Ли Синьмэй — кандидат филологических наук, доцент Фуданьского университета.

Сфера научных интересов: современная русская литература, русская литература XX века, литература русской диаспоры.

Information about the author

Li Xinmei — Candidate of Philology, Associate Professor at Fudan University.

Research interests: contemporary Russian literature, Russian literature of the 20th century, literature of Russian diaspora.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 01.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.